

Научная статья
<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-373-419>
<https://elibrary.ru/QPDBON>
УДК 821.111

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Юлия СКАЛЬНАЯ

«ТОЛКОВАТЕЛЬ ЖИЗНИ» И «ТВОРЕЦ ВСЕЛЕННЫХ»: БЕРНАРД ШОУ И АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

Аннотация: В центре внимания статьи находятся две масштабные фигуры XX в. — Бернард Шоу и Альберт Эйнштейн. Их деятельность протекала, на первый взгляд, в диаметрально противоположных сферах — точных наук и художественного вымысла, а единственным событием, связавшим их в публичном сознании, стала речь, произнесенная Шоу в честь Эйнштейна на благотворительном ужине в лондонском отеле «Савой» 28 октября 1930 г., где он наградил ученого громким титулом «творца вселенных». Тем не менее при ближайшем рассмотрении у знаменитых физика и драматурга оказываются гораздо больше точек соприкосновения, чем принято считать. Задача статьи — раскрыть малоизвестные детали взаимоотношений Шоу и Эйнштейна, соотнести их взгляды по ряду социально-политических, научных, философско-этических и эстетических вопросов, в том числе сходство и принципиальные различия их позиций в отношении США и устройства американского общества. Материалами исследования служат официальные выступления Шоу и Эйнштейна в европейской и американской печати, их частная переписка; дневниковые записи, воспоминания и биографии, созданные близкими друзьями и современниками героев данной статьи (Беатрис Уэбб, Леопольда Инфельда, Рональда Кларка), а также эссе Эйнштейна и драматургия Шоу. В качестве еще одной центральной для данного труда фигуры можно выделить американского писателя и ученого Арчибальда Хендерсона, который, по выражению профессора У.Л. Фелпса, был, вероятно, единственным человеком, способным говорить на равных с двумя величайшими интеллектуалами нашего времени, Джорджем Бернардом Шоу и Альбертом Эйнштейном. Подавляющее большинство цитируемых в статье документов, радио- и видеовыступлений не было переведено на русский язык, зарубежные научные публикации по этой теме крайне немногочисленны, а в отечественной науке предпринятое нами исследование является первым в своем роде.

Ключевые слова: Бернард Шоу, Альберт Эйнштейн, Арчибальд Хендерсон, наука и искусство, теория относительности, социализм, гуманизм, театр XX века.

Информация об авторе: Юлия Андреевна Скальная, PhD, кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 51, 119991 г. Москва, Россия; доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, ул. Б. Садовая, д. 14, 125047 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6330-6793>. E-mail: julycat@mail.ru.

Для цитирования: Скальная Ю.А. «Толкователь жизни» и «творец вселенных»: Бернард Шоу и Альберт Эйнштейн // Литература двух Америк. 2023. № 14. С. 373–419. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-373-419>.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-373-419><https://elibrary.ru/QPDBON>

UDC 821.111

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Yulia SKALNAYA

“INTERPRETER OF LIFE” AND “MAKER OF UNIVERSES”: BERNARD SHAW AND ALBERT EINSTEIN

Abstract: The article focuses on the two great figures of the XX century, Bernard Shaw and Albert Einstein. Their occupations belonged to quite distant realms of science and fiction, and the only event that united the two in public consciousness was Shaw’s speech in honor of Einstein at the OTR fundraising dinner at the Savoy Hotel on 28th October 1930 where he bestowed the honorary title of “Maker of the Universe” upon the scientist. However, these two great men had much more in common than it is generally accepted. The paper presents some little-known details of Shaw — Einstein relationship, establishes a correlation between their views on a number of socio-political, scientific, philosophic, ethical and aesthetical issues including common grounds and principal differences in their attitude towards the USA and the American social structure. Apart from the few existing articles in the foreign academic journals, this research relies on the official European and American press records of Shaw’s and Einstein’s speeches, their private correspondence, diary entries, memoirs and (auto)biographies created by their close friends, colleagues and contemporaries (such as Beatrice Webb, Leopold Infeld, Ronald Clark), as well as Einstein’s essays and Shaw’s dramas. Another significant figure in the paper is the American writer and scientist Archibald Henderson who, according to professor W.L. Phelps, was “perhaps the only living man who can talk on their own level with the two greatest intellects of today, George Bernard Shaw and Albert Einstein.” The vast majority of documents, radio and video addresses cited in this article have not been translated into Russian; the paper is a pioneering study in Russia, where this topic remains unknown and haven’t so far attracted attention of the Russian academia.

Keywords: Bernard Shaw, Albert Einstein, Archibald Henderson, arts and sciences, the Theory of Relativity, socialism, humanism, XX century theatre.

Information about the author: Yulia A. Skalnaya, PhD in Philology, Senior Lecturer, M.V. Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, building 51, 119991, Moscow, Russia; Associate Professor, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Bolshaya Sadovaya st., 14, 125047 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6330-6793>. E-mail: julycat@mail.ru.

For citation: Skalnaya, Yulia. “‘Interpreter of Life’ and ‘Maker of Universes’: Bernard Shaw and Albert Einstein.” *Literature of the Americas*, no. 14 (2023): 373–419. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-373-419>.

Вероятно, сложно найти более подходящую пару для иллюстрации оппозиции между Художником и Ученым, чем Бернард Шоу (1856–1950) и Альберт Эйнштейн (1879–1955). Две крупнейшие фигуры XX в., каждый в своей сфере: один — кипящий энергией драматург, любящий быть в центре внимания публики, мастер эпатажа, известный ловелас, пропагандист и острослов; другой — обращенный в себя исследователь, крайне неловко чувствующий себя под прицелами камер, и оттого, как часто писали газеты, кажущийся не столько физиком, совершившим революцию в науке, сколько «скромным учителем музыки», — казалось бы, они принадлежали совершенно разным мирам. Тем не менее, по законам электростатики и драматического конфликта, противоположности притягиваются, а их взаимодействие приносит удивительные плоды, которые и будут объектом нашего наблюдения.

Полярности

Впервые их пути пересеклись в июне 1921-го, когда Эйнштейн прибыл в Англию, чтобы прочитать лекцию по общей теории относительности в Королевском колледже Лондона. К тому моменту имя Шоу уже было знакомо Эйнштейну не только по немецким переводам и популярным постановкам его пьес, но и благодаря его старшему сыну Гансу, который пятнадцатилетним подростком, писал отцу:

Помимо школы, [в последнее время] я читаю пьесы Шоу; они мне очень нравятся, особенно потому что он очень быстро и детально знакомит вас с отдельными персонажами. Например, [капитана] Блюнчли из пьесы «Герои»¹, Цезаря или Наполеона благодаря пьесам можно узнать намного лучше, чем из [курса] истории [Einstein CP X: 236].

Драматург был бы польщен, услышав такой отзыв, тем более что в драме «Ученик дьявола» (*The Devil's Disciple*, 1896) устами генерала Бергойна он выразил весьма критическое отношение к так называемой «исторической достоверности». В ответ на вопрос своего

¹ «Герои» (Helden) — название, под которым в немецком переводе вышла пьеса Шоу «Оружие и человек» (*Arms and the Man*, 1894; первая публикация в 1898 г.).

подчиненного Свиндона: «Что скажет история?» генерал спокойно отвечает: «История, сэр, солжёт, как всегда»².

В том числе поэтому Шоу не доверял и официальной прессе своего времени, предпочитая все подвергать критическому анализу и лично знакомиться с обстоятельствами интересующих его дел. Когда газеты на всех континентах пристально следили за успехами исследований Эйнштейна, слава физика не могла пройти незамеченной для Шоу. Однако с учетом противоречивого отношения драматурга к науке в целом, математике в частности, и общего скепсиса относительно современной ему журналистики, заочных суждений об Эйнштейне и его теории он старался избегать (в личной переписке Шоу первые упоминания ученого появляются только с осени 1921 г. — уже после знакомства, а публично он обратится к фигуре Эйнштейна лишь в предисловии к «Святой Иоанне» в 1924 г.).

Однако, впервые встретившись лично за ужином у виконта Р.Б. Холдейна³, именитые гости прониклись друг к другу симпатией и интересом. И хотя в следующий раз судьба сведет их лишь девятью годами позже, на протяжении 1920-х гг. Эйнштейн и Шоу поддерживали связь. При этом вполне в духе шовианского парадокса стать посредником в дружбе двух гениев XX в. было суждено человеку, совместившему страсть к науке и любовь к искусству — увлеченному театром математику Арчибальду Хендерсону.

Проводник

Американский писатель, ученый, литературный критик, историк и педагог Арчибальд Хендерсон (1877–1963) определял свой круг интересов так:

² Шоу Б. Ученик дьявола // Шоу Б. Полн. собр. пьес: в 6 т. / ред. А.А. Аникста, Н.Я. Дьяконовой и др.; пер. с англ. Е. Калашниковой. Л.: Искусство, 1979. Т. 2. С. 108.

³ Ричард Бердон Холдейн, первый виконт Холдейн (Richard Burdon Haldane, 1856–1928) — английский юрист и общественный деятель; в 1905–1912 занимал должность военного министра и дважды был лордом-канцлером британского парламента. Философ неогегельянского направления, автор таких трудов, как «Путь к реальности» (*The Pathway to Reality*, 1903–1904), «Царство реальности» (*The Reign of Reality*, 1921), «Философия гуманизма» (*The Philosophy of Humanism*, 1922), «Человеческий опыт» (*Human Experience*, 1926).

Математика и союзные ей науки физика и астрономия всецело поглощали [...] мое внимание на протяжении пятидесяти лет [...] Одновременно с этими научными штудиями [я чувствовал в себе] еще одно глубокое и неизменное побуждение: страстное желание постичь и овладеть в совершенстве некоторыми из движений мысли того времени, особенно [...] в литературе, драме, истории и философии [Putzel 2000: 99].

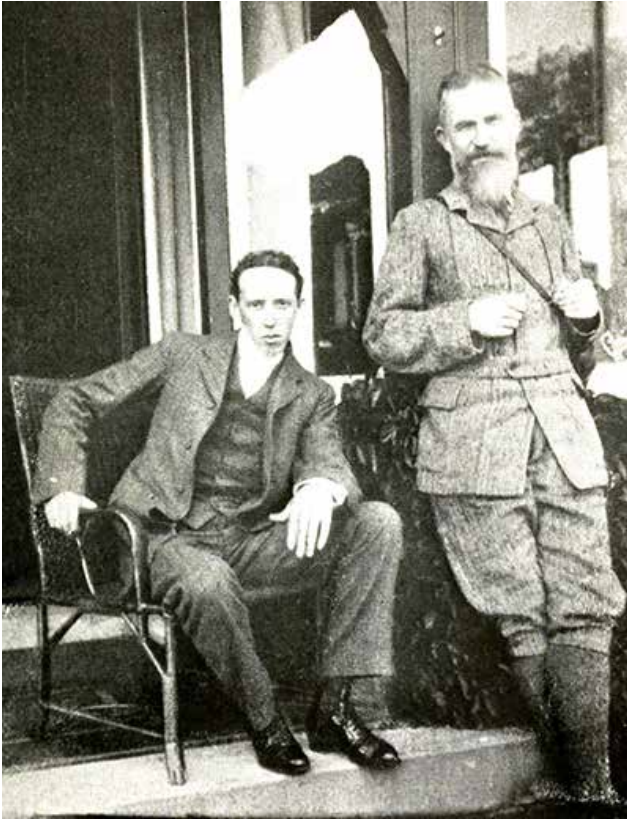
Драма как воплощение мысли в действии привлекла Хендерсона еще задолго до знакомства с Шоу: ему принадлежат многочисленные статьи, посвященные творчеству других представителей «новой драмы» — в том числе Х. Ибсена, Г. Гауптмана, М. Метерлинка, Э. Ростана, А. Стриндберга, — которые из отдельных заметок позднее превратятся в полноценные монографии «Европейские драматурги» (*European Dramatists*, 1913) и «Меняющаяся драма» (*Changing Drama*, 1914). Увлечение же Хендерсона драматургией и взглядами ирландского парадоксалиста началось 24 февраля 1903 г. с любительской постановки пьесы Шоу «Ни за что бы вы этого не сказали» (*You Never Can Tell*, 1897), в авторе которой Хендерсон как уже опытный критик разглядел «недооцененного гения» и посчитал своим долгом приложить максимум усилий для просвещения американской аудитории в отношении его пьес и взглядов. В одной из своих ранних книг, посвященных литературному новаторству, Хендерсон причислил Шоу к группе художников слова, которую назвал «толкователями жизни»⁴, а в 1924 г. связался с ним лично с предложением написать биографию драматурга.

Арчибалд Хендерсон.
Источник: Battle, Kemp P.
History of the University of North Carolina. Vol. 2. Raleigh, N.C.:
Edwards & Broughton Printing
Company, 1912: 728.

Шоу, который до этого старательно пресекал любые попытки создать описание собственной жизни в виду некомпетентности и самоуверенности потенциальных биографов, был приятно удивлен не столько вниманием Хендерсона, сколько его *научным* подходом к решению поставленной задачи (для начала он попросил у Шоу для

⁴ Henderson, Archibald. *Interpreters of Life and the Modern Spirit*. London: Duckworth and Co., 1911.

А. Хендерсон в гостях у Б. Шоу в Хертфордшире (ок. 1907).
Фото опубл.: *The Twentieth Century Magazine* V (1912).

изучения труднодоступные тексты его ранних критических заметок) и обращением к первоисточнику:

Совершенно верно, что лучшим экспертом по Шоу является сам Шоу. Моя деятельность протекала в таком количестве водонепроницаемых отсеков, что никто еще не смог представить что-либо более вразумительное, чем отрывочный и неточный рассказ обо мне за исключением тех случаев, когда они пытались создать мой портрет из моих собственных признаний [Shaw CL II: 427].

Результатом же их совместного интеллектуально-просветительского квеста стали три полноценные авторизованные биографии

Шоу⁵, десятки статей, заметок и публичных выступлений, кипы корреспонденции, а также дружба длиной в несколько десятилетий.

Знакомство Хендерсона с Эйнштейном произошло чуть позже — в начале 1920-х гг. Заинтересовавшись открытиями немецкого физика, Хендерсон оставил собственные лекции в Университете Северной Каролины и взял творческий отпуск, который провел за изучением общей теории относительности в Кембридже, а затем в Берлинском университете имени Гумбольдта. По итогам этих штудий Хендерсон издал книгу «Относительность. Романтика науки» (*Relativity. A Romance of Science*, 1923), которую Шоу прочитал с большим интересом и посоветовал ознакомиться с ней некоторым друзьям (в том числе М. Бирбому⁶, Г.К. Честертону и Г.Дж. Уэллсу), а в 1924 г. наконец лично встретился с Эйнштейном.

Если общение Хендерсона и Шоу в это десятилетие зафиксировано в бурной переписке, то среди бумаг Эйнштейна об энтузиасте из Америки оставлено лишь небольшое и не очень лестное замечание. В письме к Вильгельму Вестфалю⁷ Эйнштейн отмечает, что господин Хендерсон «талантов своих не скрывает, но в то же время они не блещут» [Einstein CP XIV: 200]. Однако, несмотря на сдержанность первоначальной оценки ученого, вскоре они начали сотрудничать с Хендерсоном в работе над развитием теории относительности и в изучении строения атома⁸, и в том же 1924-м Хендерсон выпустил статью под названием «Триумф относительности» “The Triumph of

⁵ «Джордж Бернард Шоу: его жизнь и творчество» (*George Bernard Shaw: His Life and Works*, 1911); «Бернард Шоу: плейбой и пророк» (*Bernard Shaw: Playboy and Prophet*, 1932); «Джордж Бернард Шоу: человек века» (*George Bernard Shaw: Man of the Century*, 1956). Все указанные труды были не только отмечены премией Литературной и исторической ассоциации Северной Каролины, но и удостоились восхищенных отзывов мировых деятелей культуры (в том числе У.Б. Йейтса, А. Пинеро и самого А. Эйнштейна).

⁶ Бирбом Макс (Beerbohm Max, 1872–1956) — английский писатель-новеллист, карикатурист, иллюстратор, радиоведущий и законодатель мод, прославившийся сатирическим изображением английской жизни и современников как в слове, так и в графике.

⁷ Вильгельм Генрих Вестфаль (Wilhelm Heinrich Westphal, 1882–1978) — немецкий физик, профессор Берлинского университета, с 1922 по 1924 гг. эксперт-советник Министерства науки, искусства и культуры Пруссии.

⁸ В начале XX в. активно исследовалась атомная теория; 1910–1920-е гг. ознаменовались рядом значительных открытий в области исследований атомного ядра (открытие протонов Э. Резерфордом, нейтронов Дж. Чедвиком) и субатомных частиц (теория волновых электронов Э. Шредингера, принцип неопределенности В. Гейзенберга).

Relativity”, которая, по признанию самого Эйнштейна, практически «не оставляла места для опровержений» [Putzel 2000: 99] со стороны противников его концепции.

Заслужив, таким образом, доверие как со стороны Шоу, который внес Хендерсона в картотеку своих постоянных корреспондентов под лестным для него званием «ученика» (disciple), так и Эйнштейна, чьим учеником он непосредственно являлся, Хендерсон стал связующим звеном между двумя гениями XX в.

Закон сохранения энергии

Пребывая в статусе ученика, Хендерсон не в меньшей степени сам просвещал своих покровителей в сфере физики и литературы. При посредстве американского математика Эйнштейн открывал для себя не только драматическое новаторство Шоу, но и постигал основы его политической теории. Сам Шоу благодаря увлекательным объяснениям Хендерсона постепенно преодолевал сохранившееся с детства недоверие к алгебре и расширял свой лексикон ключевыми физическими понятиями, искренне удивляясь тому, как Хендерсон сохранял такой интерес к его драмам, когда мог бы все свободное время уделять изучению тензоров⁹.

Как пишет М. Холройд, Хендерсон также служил посредником для обмена комплиментарными замечаниями между писателем и ученым.

Когда Эйнштейн услышал, что, по мнению Шоу, он выглядит скорее как музыкант, нежели как математик, он ответил, что «изобретательный математик — всегда художник с высоко развитым чувством формы» — ответ, который доставил большое удовольствие художнику и философу Шоу, и он сообщил Хендерсону, что этот ответ позволил ему «почувствовать доверие к Эйнштейну» [Holroyd 1950: 219].

Важно учесть, что сравнение знаменитого физика с музыкантом для Шоу, в отличие от газетчиков, не было простой любезностью. Благодаря матери, талантливой певице, он с детства был окружен музыкой и, прежде чем ему исполнилось пятнадцать, он, не имея

⁹ Тензор — математический объект, используемый в физике для упрощенного представления сложных законов и формул вне зависимости от системы отсчета; его преимуществом является сохранение формы при смене координат.

профессионального образования, знал наизусть «Мессу до мажор» Бетховена, музыку Мендельсона к пьесе Ж. Расина «Аталия», ораторию Генделя «Мессия», оперу Верди «Трубадур», и «Лукрецию Борджиа» Доницетти, а также два произведения, впоследствии ставшие лейтмотивом его драматического творчества — «Дон Жуан» Моцарта и «Фауст» Гуно [Holroyd 2015: 33]. И именно через музыку произошло его приобщение к миру литературы («Доницетти, Верди и Бетховен открыли мне Гюго и Шиллера, Гендель — Библию, Шуман — Гёте, Моцарт — Бомарше и Мольера, Бизе — Мериме, а в Берлиозе я обнаружил толкователя Эдгара По»¹⁰), а позднее и критики, где музыкальные рецензии он подписывал псевдонимом «Корно ди Басетто». Поэтому он в платоновском духе считал музыку одним из трех столпов образования полноценного члена общества — человека разумного и чувствующего.

Эйнштейн разделял эту веру в музыку как основу воспитания чувств и развития характера, что видно на примере его писем к младшему сыну Эдуарду:

То, что ты, шалопай, так презираешь сонаты Гайдна, разумеется, неправильно. Вторая, например, дает ощущение невероятной доверительности. В твоём возрасте я был ею очарован. Однако следует играть ее с просвещенным человеком и предпочтительно на спинете, а не на фортепиано. Посмотри [Доменико] Скарлатти. Он писал удивительно тонкие и изящные вещи для фортепиано. В конечном счете музыка существует для души, а не для интеллекта. Совсем недавно я разговаривал с замечательным музыкантом, который также не придает значения интеллектуальным ухищрениям в музыке. Вот и в жизни характер и чувство более ценны, нежели изощренный ум — даже в науке [Einstein CP XV: 334–35].

Когда же Эйнштейн сказал, что слова Шоу были подобны нотам Моцарта: «каждая из них несла в себе собственное значение и точно занимала ей одной отведенное место», по свидетельству Хендерсона, драматург впервые в жизни был по-настоящему польщен и с удовольствием хвастался этим комплиментом, притом что сравнения с Шекспиром всегда оставляли его равнодушным [Henderson 1956:

¹⁰ Шоу Б. Автобиографические заметки. Статьи. Письма: Сборник / пер. с англ.; сост. А. Образцовой и Ю. Фридштейна. М.: Радуга, 1989. С. 87.

173]. Дело в том, что Эйнштейн постиг самую суть оперно-музыкального подхода Шоу к словесному творчеству: «Моцарт научил меня писать о серьезных вещах шутя, о значительных — весело»¹¹.

Так музыка стала общим знаменателем, не только укрепившим доверие между физиком и драматургом, но и создавшим основу для лучшего понимания друг друга. И вот в середине 1920-х Шоу уже прославляет Эйнштейна как человека, развенчавшего миф о непогрешимости науки и «зажегшего светоч среди богов физики» [Holroyd 1950: 219]. А Эйнштейн в это время все более активно знакомится с трудами ирландца. В 1924-м он уже советует бывшей супруге Милеве Марич прочитать «Героев» Шоу, которые ему за четыре года до этого рекомендовал их сын Ганс. Тогда же в письме к сестре Майе Эйнштейн сообщает, что его падчерица от второго брака Ильза «вышла замуж за весьма приятного человека, который обожает произведения Бернарда Шоу в немецком переводе. Я сам их теперь читаю с такой добросовестностью, как будто это мой долг, а я пруссак» [Einstein CP XIV: 370]. Вместе с Эдуардом они идут на постановку «Пигмалиона», и отзыв ученого, как всегда, краткий, но емкий: «Сыграно грубо, но пьесу не убить» [Einstein CP XIV: 508].

Рассуждения самого Эдуарда о творчестве Шоу в письмах к отцу более пространны и требовательны:

За последние дни я прочитал несколько одноактных пьес Бернарда Шоу. Одна из них называется «Страсть, яд и окаменение». Это совершенно неопиcуемый бред. С таким же успехом он мог бы быть написан второстепенным писателем, только, наверное, ни у кого не хватило бы наглости опубликовать что-то подобное. Но эту пьесу превосходит другая — «Лечение Музыкой». В то время как у первой еще есть хоть немного остроумия, эта просто слаба, и исключительно слаба. Напротив, самые слабые места «Назад к Мафусаилу» поистине грандиозны. Советую по возможности избегать упомянутых одноактных пьес, жаль времени, которое уходит на их прочтение. Шоу временами вытворяет довольно странные вещи [Einstein CP XV: 334–35].

С другой стороны,

...всегда предпочтительнее читать посредственные произведения хорошего автора, чем хорошие произведения посредственного автора.

¹¹ Henderson, Archibald. *George Bernard Shaw: Man of the Century*. New York: Appleton Century Crofts Inc., 1956: 734.

Это факт. Какой нормальный человек иначе стал бы читать «Первую пьесу Фанни»? [Einstein CP XV: 334].

Но, несмотря на эти чудачества и «бесчувственность», в которой критики обвиняли Шоу, младший сын Эйнштейна, как и старший, продолжал питать к нему «особую симпатию».

Все трое сходятся в восторженных отзывах о единственной трагедии Шоу, посвященной Жанне д'Арк. Эйнштейн напишет сыновьям: «Я рад, что вам тоже так понравилась “Святая Иоанна”. Я был в таком восторге, что написал Шоу и получил забавный ответ» [Einstein CP XIV: 567].

Отзыв, данный Эйнштейном, Шоу назвал лучшим из написанных о пьесе и отправил ученому открытку с собственным изображением и припиской на обороте:

Я отважился послать вам этот небольшой портрет, потому что у меня самого в доме в течение нескольких лет присутствует ваше изображение намного больших размеров. Ваше письмо дарит мне великое удовольствие не только как комплимент мне, но и потому что только очень острый и пронизательный ум мог бы высказать верную мысль столь точно. Вы единственный человек, в чьем существовании я вижу большую надежду для этого печального мира [Einstein CP XIV: 595].

Присутствие портрета Эйнштейна в доме драматурга означало действительное признание его талантов, и физик, должно быть, оказался на каминной полке четы Шоу в почетном соседстве с Шекспиром и Лениным. О Ленине, к слову, Эйнштейн, как и Шоу, был довольно высокого мнения. На пятилетие со дня его смерти физик оставил следующий отзыв:

Я уважаю в Ленине то безумство, которое заставило его, полностью принося себя в жертву, посвятить все свои силы осуществлению социальной справедливости. Я не считаю его метод уместным для достижения поставленной цели. Но одна вещь не подлежит сомнению: такие люди, как он, защищают и обновляют совесть человечества [Einstein CP XVI: 340].

Шоу, как известно, отправил Ленину подписанный экземпляр своей пенталогии «Назад к Мафусаилу» (*Back to Methuselah*,

1918–1920), и, по мнению Д. Макрори, именно в этой пьесе (завершенной незадолго до встречи с Эйнштейном) Шоу впервые допускает мысль о том, что физико-математический склад ума является признаком прогрессивного человеческого интеллекта [McRory 1986: 37].

По мере того как Шоу все больше погружался в достоинства и недостатки научного осмысления человеческого бытия — от рассуждений об электронах и строении атома в «Святой Иоанне» через тезис о несводимости человеческой индивидуальности к набору химических компонентов, из которых состоит его тело, в «Простачке с Нежданных островов» (*The Simpleton of the Unexpected Isles*, 1934) к непосредственному обращению к законам Ньютона и криволинейному устройству вселенной в пьесе «В золотые дни доброго короля Карла» (*In Good King Charles's Golden Days*, 1938–1939), — риторика Эйнштейна также перенимала определенные черты шовианства.

В письме к второй жене Эльзе ученый, рассказывая о том, как проходит его нерабочая поездка по Геттингену, Гослару и Хильдесхайму, где он наслаждался видами и местной архитектурой [Einstein XIV: 407], в шутку называет себя «членом класса богатых бездельников» — термин, который использует для собственного описания Джон Таннер, главный герой ранней комедии Шоу в моцартианском духе «Человек и сверхчеловек» (*Man and Superman*, 1903).

В своем отзыве на пьесу супруги Макса Борна¹² Хедвиг Эйнштейн также оперирует своими познаниями в области шовианских драм:

Дорогая фрау Борн,

Я прочел вашу пьесу [«Дитя из Америки» (*Das Kind von Amerika*)] с большим удовольствием и подумал, что это могла бы быть довольно успешная сатира на современность. Она остроумна и забавна от начала до конца. Однако, [если рассматривать ее] как произведение искусства, мне кажется не очень удачным [стремление] отстоять уже подтвержденную истину, что средоточие творческих способностей у мужчин и женщин находится в разных местах. Вы заставляете ваших героев плясать как марионеток; и в ваших руках они не более чем куклы, которые должны иллюстрировать вашу точку зрения со-

¹² Макс Борн (Max Born, 1882–1970) — немецкий физик-теоретик, один из основоположников квантовой механики, обладатель Нобелевской премии по физике 1954 г., коллега и близкий друг Эйнштейна, разделявший его любовь к музыке.

временному ребенку, не более того. Им не дана собственная жизнь. До определенной степени они прозрачны, как призраки, и в некотором роде абстрактны. Однако *остроумие* спасает все. Бернард Шоу часто делал нечто подобное, и все наслаждались его [интеллектуальными] фейерверками [Einstein CP XV: 438].

Наконец, в конце 1920-х гг. Эйнштейн по-настоящему увлекся не только художественным творчеством Шоу, но и его публицистикой по социально-экономическим вопросам.

Закон преломления света

Труд Шоу под названием «Путеводитель для умной женщины по социализму и капитализму», полученный Эйнштейном в качестве новогоднего подарка от Хедвиг Фишер-Ландсхофф в 1928 г., вызвал у ученого живейший интерес. И не только потому что в своем памфлете Шоу решил использовать Эйнштейна в качестве объекта биоэкономического уравнения:

Частный доход от ренты, будь она на землю, капитал или способность, портит кровь; и от испорченной крови вымирают цивилизации. Вот почему делом наивысшей срочности для нас является убедиться, что лорд Миллиардхэм, получает не больше Эйнштейна, и ни один из них не превосходит в доходе уборщицу. Невозможно уравнять их способности, но можно уравнять их доход. Полкроны Миллиардхэма должны быть так же хороши, как два шиллинга и шесть пенсов Эйнштейна; и тридцать пенни, которые получает уборщица, должны обеспечить ей столько же хлеба, сколько и первым двум. Сделайте их равными в этом отношении, и их сыновья и дочери будут иметь возможность заключать браки, что будет крайне хорошо для них и приведет к значительному улучшению человеческого рода, качество которого является наиважнейшей вещью на земле¹³.

Эйнштейна, разделявшего веру Шоу в социализм как наиболее перспективную модель развития общества, привлекали одновременно

¹³ Shaw, Bernard. *The Intelligent Woman's Guide to Socialism and Capitalism*. New York: Brentano's Publishers, 1928: 343.

сама идея, доступность ее изложения и обращенность к женской аудитории:

Книга Шоу особенно интересует меня, потому что я знаю, что он в течение всей своей жизни был крайне неравнодушен к социальным проблемам. Тот факт, что в названии он апеллирует к женщинам, вероятно, результат инстинктивной [убежденности], что женщины, с вашими великими взаимоотталкивающими силами, вашей приверженностью социальным традициям и вашей потребностью в роскоши, представляются наиболее мощным фактором, тормозящим [на пути перехода к социализму]. Когда я дочитаю книгу, я был бы рад как-нибудь поговорить с Вами о ней [Einstein CP XVI: 519].

Захваченный чтением «чудесного» (wunderbar) Шоу, Эйнштейн снова пишет фрау Фишер:

[Книга] Шоу вызвала во мне восторг, и я хотел бы способствовать распространению осведомленности о ней, воспользовавшись при этом моим громким именем. Что Вы думаете по поводу рекламного объявления, которое бы гласило: “В этой книге проблема нашей современности рассматривается просто, пронизательно и с внутренним горением. В ней говорит Вольтер нашего времени, и он будет услышан. А. Эйнштейн”. Я бы согласился с этим и считаю, что [данная реклама] была бы действенной. Если Вы считаете так же, поговорите об этом со своим мужем. Формулировка может быть изменена по взаимному согласию. Я прочитал 2/3 книги с радостным восхищением *несмотря на* лихорадочную работу над моими собственными проблемами» [Einstein CP XVI: 531].

Муж Хедвиг Фишер Самуэль¹⁴, помимо того что был хозяином успешного берлинского издательства, увлекался театром и был одним из создателей «Свободной сцены» (Die Freie Bühne) — частного театрального объединения, созданного писателями и театральными критиками во главе с Отто Брамом и ставившего авангардные и часто запрещенные цензурой пьесы. Так что предложение Эйнштейна

¹⁴ Самуэль Фишер (1859–1934) — основатель берлинского издательства «Фишер» (S. Fischer Verlag), чья история началась с публикации «Росмерсхольма» Г. Ибсена. Впоследствии сотрудничал с Т. Манном и Г. Гессе еще до их мировой известности (в частности, издал «Будденброков» Манна).

должно было прийти к нему по душе. Чуть позже Эйнштейн свяжется и с Теодором Вульфом — главным редактором газеты *Berliner Tageblatt* («Берлинский ежедневник») с просьбой поспособствовать немецкому изданию «Путеводителя...» Шоу.

Однако, не дожидаясь официального тиража, Эйнштейн продолжал активно рекламировать труд Шоу и его персону в частной переписке. Так в письме к другу и коллеге Микеланджело Бессо находим: «Я с большим энтузиазмом и удовольствием читаю книгу о социализме Б. Шоу; замечательный малый, обладающий огромной проницательностью в отношении человеческой деятельности» [Einstein CP XVI: 532]. С таким же энтузиазмом он советует прочитать внушительный труд Шоу сыну Эдуарду («вы *обязательно* должны его прочитать», «маме тоже будет интересно» [Einstein CP XVI: 359, 609]) и сестре Майе («Я с огромным интересом прочитал последнюю книгу Бернарда Шоу о национальных экономических проблемах. Когда мои дети ее прочитают, я отправлю ее тебе» [Einstein CP XVI: 355]).

В то же время в Великобритании книгу Шоу принимали довольно прохладно даже его сподвижники и коллеги по Фабианскому обществу, отстаивавшему идеи социализма. Шоу, спокойно-иронически реагировавший на прямую критику, сдержанное молчание прессы, политиков, социальных активистов и собственных друзей воспринимал как личное оскорбление. Согласно дневниковым записям Беатрис Уэбб, его близкой подруги, также входившей в круг людей, стоявших у истоков общества, Шоу

...пришел на собрание социалистов Фабианского общества в дьявольском расположении духа. Он разил направо и налево: фабианцы были скучной сворой, новые трактаты были нечитабельны, критические обзоры в *Fabian News* достойны презрения, — и все это вело к его подлинной претензии. Самые бездумные обзоры его книги по социализму были написаны фабианцами. (Это был камень в огород Ласки и Рэтклифа.) Он недавно слышал, что в Германии Эйнштейн, который, по всей видимости, социалист, был поглощен чтением его книги. И кто такие были фабианцы по сравнению с Эйнштейном?¹⁵

¹⁵ *Beatrice Webb's Typescript Diary*: October 1924 – 19 May 1929: 566. <https://digital.library.lse.ac.uk/objects/lse:ret529jev?page=566>.

Скорость света

Мало кто мог теперь соперничать с тем авторитетом, которым Эйнштейн пользовался у Шоу. Поэтому драматург не мог с привычной легкостью отнестись к высокой чести произнести тост за здоровье Эйнштейна 27 октября 1930 г. на благотворительном ужине под председательством лорда Л. Ротшильда, устроенном в лондонском отеле «Савой» в поддержку экономического благополучия евреев Восточной Европы совместными усилиями Британского комитета и союзов ОРТ и ОЗЕ¹⁶.

В письме к Герберту Сэмюэлу¹⁷ Шоу пишет, что, несмотря на первоначальные колебания, он

безоговорочно отдал себя в распоряжение Уоллрока¹⁸, чтобы выполнить любую работу, которую может выполнить нееврей; и он говорит мне, что я должен произнести тост за здоровье Эйнштейна: огромная честь, которую я, возможно, проигнорировал бы, если бы Э[йнштейн] не писал мне раз или два и не говорил обо мне в выражениях, которые дают мне право считать себя *persona grata* для него. Я сделаю все возможное [Shaw CL IV: 210].

Здесь Шоу, вопреки своей обычной манере эпатажного бахвальства, проявляет себя крайне скромно. Под благосклонными выражениями, о которых он говорит столь туманно, судя по всему, имеется в виду поздравление, полученное им от Эйнштейна еще в 1926 г., когда тот вместе со многими другими публичными деятелями откликнулся на празднование семидесятилетия Шоу:

Мало найдется людей, достаточно независимых, чтобы распознать слабость и глупость своих современников, оставшись при этом ими не затронутыми. Однако, как только они осознают упрямство

¹⁶ ОРТ — Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России (с 1921 г. получил статус всемирной еврейской просветительской и благотворительной организации); ОЗЕ[Т] — Общество землеустройства еврейских трудящихся (функционировала в СССР с 1925 по 1938 гг.).

¹⁷ Герберт Луис Сэмюэл (Herbert Louis Samuel, 1870–1963), будущий виконт Сэмюэл — британский политический деятель нелиберального толка, с 1920 по 1925 гг. занимавший должность Верховного комиссара Палестины, кавалер ордена Бани.

¹⁸ Сэмюэл Уоллрок — официальный казначей приема в отеле «Савой».

человеческого рода, большинство из этих немногих вскоре теряют мужество, необходимое для работы над улучшением существующих условий. Лишь очень немногим посчастливилось поразить людей своего поколения тонким и изящным остроумием и безличной силой художественного выражения, заставить этих людей увидеть самих себя в истинном свете. Сегодня я с искренней симпатией чувствую величайшего мастера этого искусства, благословившего и просветившего всех нас¹⁹.

Искренняя симпатия и столь почетные комплименты ученого задали высокую планку, которой нужно было соответствовать, и важно было не ударить в грязь лицом, для чего драматург принял всевозможные меры. Секретарь Шоу Бланш Пэтч в своих мемуарах вспоминает, что он настолько серьезно подошел к своей миссии, что «я должна была заблаговременно напечатать его речь [на машинке] — необычная просьба, так как обычно он говорил без опоры на заметки» [Patch 1951: 193]. Заметки эти, как выяснится позднее, Шоу еще несколько раз переправит, но все же говорить будет по привычке свободно, не заглядывая в текст речи.

Он также написал обстоятельное письмо Джону Рейту (генеральному директору BBC, отвечавшему за радиотрансляцию его речи в Америку в режиме реального времени), где высказывал недовольство теми ограничениями по времени, которые перед ним поставили:

...ваши люди недостаточно четко поняли важность мероприятия. Они пишут мне так, как если бы я собирался в течение пятнадцати минут говорить о политике на Балканах или еще какой-то чепухе в том же роде. Я же [...] должен буду представить парадную речь о Птолемеях, Аристотеле, Кеплере и Копернике, Галилее и Ньютоне, гравитации и относительности, о современной астрофизике и бог знает, чем еще, прославляя Эйнштейна как наследника Ньютона, и вещать на огромную аудиторию во имя британской культуры и науки, приветствуя самого выдающегося естествоиспытателя последних трех столетий. Это задача, которую, на самом деле, следовало бы выполнять премьер-министру, но он оставил ее мне; и это [приветствие] должно быть

¹⁹ Einstein, Albert. *The World as I See It*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2007: 46. Изначально опубликовано в номере газеты *Die Literarische Welt* от 23 июля 1926 г.

провозглашено с максимально возможной *réclame*, или нас заклеят как обывателей [...]

Я не могу сделать это за пятнадцать минут, и мне повезет, если я сумею закончить за двадцать пять. Что касается ограничения [по времени речи] Эйнштейна, то это исключено: мы должны быть готовы к двум минутам или тридцати — на его усмотрение» [Shaw CL IV: 211–212].

Полной записи выступлений Шоу и Эйнштейна не сохранилось, но по имеющимся шести кассетам «Немецкой граммофонной компании», а также небольшим видеосюжетам²⁰ и частичной стенограмме, выполненной Г.Л. Баннерманом для Британской системы вещания, исследователю Ф.Д. Кроуфорду удалось восстановить максимально полную версию произнесенной Шоу речи, которая позволяет увидеть, что он выполнил оба обещания, данные им Дж. Рейту: полностью охватил заявленный в письме спектр тем и персоналий и не уложился в пятнадцать минут.

Приведем лишь небольшой отрывок, ярко иллюстрирующий как характер выступления Шоу в тот вечер, так и его отношение к Эйнштейну:

...в Лондоне можно найти великих людей по шесть штук за пенни; они образуют весьма пеструю компанию, и, когда мы пьем за их здоровье и произносим речь, нам приходится постыдно скрывать скандальные моменты и проявлять не служащее к нашей чести лицемерие. Всегда есть большая фигура умолчания. Если взять типичного великого человека нашей исторической эпохи, и, предположим, что я должен был бы сегодня подняться и произнести тост в честь Наполеона, — что ж, несомненно, я мог бы сказать много лестных вещей о Наполеоне. Но одна вещь, которую я, вероятно, не должен был бы о нем говорить, это то, что, возможно, для человеческого рода было бы намного лучше, если бы он вообще не появился на свет. Итак, по крайней мере сегодня — возможно, это будет единственный раз в нашей жизни — нам нечего скрывать, и нет места лицемерию, которого пришлось бы стыдиться.

²⁰ Речи Альберта Эйнштейна и Бернарда Шоу на благотворительном ужине в отеле «Савой», 28 октября 1930. https://youtu.be/3_eaaYMI1IQ.

Я сказал, что великие люди — весьма пестрая компания, но существует градация великих людей. Есть великие люди, которые являются великими среди пигмеев, а есть великие люди, чье величие возносит их выше других великих людей, и как раз такого рода человек присутствует сегодня среди вас.

Наполеон и другие великие люди его порядка были создателями империй, но есть разряд людей, которые достигают иных высот. Они не являются создателями империй — они являются творцами вселенных. И когда они создают эти вселенные, их руки не запятнаны кровью ни единого человека на земле. Они очень редки. Я возвращаюсь на две с половиной тысячи лет назад, и сколько я могу их насчитать за этот период? Я могу пересчитать их по пальцам обеих рук: Пифагор, Птолемей, Аристотель, Коперник, Кеплер, Галилей, Ньютон, Эйнштейн²¹. И у меня осталось свободными еще два пальца [Shaw, Crawford 1995: 233].

Конечно, по собственному признанию Шоу, говорить приятные вещи было вовсе не в его духе, и, в том числе, чтобы не создавать у именитого гостя, известного своей скромностью, ощущения неловкости, он невольно старался снизить чрезмерный пафос своей речи рядом шуточных замечаний. И все же, передовица *New York Times* гласила:

Застенчивый маленький ученый из Берлина получал чествования, достойные королей и императоров, но выглядел как будто не в своей тарелке. Выражение его глаз намекало, что он предпочел бы оказаться в своей библиотеке нежели слушать панегирики [в свою честь]²².

Однако Эйнштейн откликнулся на свое чествование, и ответ, данный им Шоу от лица всего еврейского сообщества и его собственной скромной персоны, был не менее торжественным, исполненным чувства и самоиронии:

Число наших друзей не так велико, но среди них есть люди благородного духа и высокой добродетели, посвятившие свои жизни облагора-

²¹ С легкой руки Шоу даже несколько лет спустя американские газеты все еще называли Эйнштейна «творцом вселенных», и этот же подзаголовок получила одна из авторизованных Эйнштейном биографий ученого.

²² “Shaw Calls Einstein Universe Creator.” *New York Times* (29 October 1930): 12.

А. Эйнштейн, лорд У. Ротшильд, Б. Шоу на благотворительном обеде Британского объединенного комитета Союзов ОРТ-ОЗЕ в отеле «Савой». Лондон. 28 октября 1930.
Фото Topical Press Agency.

живанию человеческого рода и освобождению отдельных личностей от унижительного угнетения. Я радуюсь, что вижу среди них Бернарда Шоу и Г.Дж. Уэллса, к чьему мировоззрению я испытываю особую симпатию.

Вы, мистер Шоу, смогли снискать любовь и радостное восхищение человечества на пути, который других привел к мученичеству. Вы не только проповедовали человечеству нравственность, но даже осмелились высмеивать то, что другим казалось неприступным. То, что сделали Вы, может сделать только прирожденный художник. Из своего волшебного ларца Вы достали бесчисленное количество марионеток, которые, хотя и напоминают людей, состоят не из плоти и костей, а целиком из духа, ума, остроумия и грации. И все же в чем-то даже больше, чем мы сами, они напоминают мужчин и женщин и заставляют нас практически забыть, что они не творения природы, а всего лишь творения Бернарда Шоу. Вы заставляете этих изящных марионеток танцевать в маленьком мире, охраняемом грациями, которые не позволяют проникнуть в него негодованием или обиде.

Кто бы ни взглянул на этот мир, увидит нашу собственную реальность в новом свете. Он увидит, как Ваши марионетки становятся настоящими людьми так, что последние внезапно начинают выглядеть иначе, чем прежде. Так, держа зеркало перед нами, как никто другой из современников, Вы смогли дать нам чувство освобождения

и снять с нас часть жизненного бремени. За это мы все благодарны Вам и судьбе — за то, что со всеми нашими земными недугами нам был дарован врачеватель и освободитель души. Я лично благодарю Вас за незабываемые слова в адрес моего мифического тезки, который сделал мою жизнь столь тягостной и который, несмотря на свою неловкость и солидные размеры, все же весьма безобидный малый [Shaw, Crawford 1995: 239].

Хотя американские, немецкие и британские газеты пестрели громкими цитатами, рекламирующими высочайший обмен комплиментами и придавали, таким образом чрезмерную официозность взаимоотношениям физика и драматурга, Шоу и Эйнштейн были вполне искренни в своих заявлениях, а их частное общение было лишено какой бы то ни было неловкости. По замечанию Б. Пэтч, Шоу «чувствовал себя свободно с любым человеком. Он не признавал социальных различий» [Patch 1951: 105] и учитывал их только когда приглашал гостей, стараясь сделать так, чтобы все они могли поладить между собой. Одно из поздних писем Шоу, где он рассуждает о воспитании юного поколения, показывает, что он оставался верен своему принципу всю жизнь и ассоциировал это умение в том числе с Эйнштейном:

Детей нужно воспитывать так, чтобы они могли легко устанавливать связи и общаться с любыми классами, но в то же время ясно отличать эти классы и сообщества друг от друга и [...] находить те сообщества, в которых они чувствуют себя наиболее естественно. Владелец победителя [скакового] Дерби сейчас время от времени по-соседски встречается на банкетах с Эйнштейном, но ни один из них не мог бы вынести одно и то же сообщество или клуб. Молодым людям следует искать окружение в соответствии с их вкусами и умственными способностями ради [радости общения], а не продвижения в обществе [Shaw CL IV: 841].

Частное общение Шоу и Эйнштейна было прекрасной иллюстрацией данного принципа. Во время недолгого визита физика в Лондон он почтил чету Шоу своим присутствием в их доме, где они в непринужденно-доверительной манере обсуждали науку и искусство. Когда же драматург признался, что «никак не мог понять, что к чему в теории вероятности, Эйнштейн благодушно улыбнулся

и положил руку Шоу на плечо: “Ничего страшного, мистер Шоу, — сказал он, — *Ce n'est pas votre métier*”²³» [Montagu 1968: 32].

Но даже при отсутствии достаточных профессиональных физико-математических знаний позже Шоу будет защищать теорию Эйнштейна от критики, апеллируя к здравому смыслу и жизненной логике. Когда в 1932 г. его вниманию были предложены две книги (одной из них было «Дело против Эйнштейна» (*Case Against Einstein*) полковника А. Линча), стремившиеся доказать, что немецкий физик ошибся в своих умозаключениях — и особенно в отношении скорости света, Шоу сначала постарался воздержаться от научной дискуссии, заменив ее скорее принципом *sola fide*:

Я не математик и не понимаю этой науки. Я ценю Эйнштейна как гениального человека на основании личных наблюдений и определенных положений [его теории], которые доступны моему пониманию; но Вы и полковник Линч, как и другие анти-эйнштейнианцы, должны разрешить все вопросы с ним самим: мне не следует выставлять себя на посмешище, вмешиваясь в дискуссию, которая не входит в мою компетенцию [Shaw CL IV: 315].

Однако ему не удалось сдержаться, и он продолжает, показывая, что все же осведомлен о ключевых событиях в мире физико-математических исследований:

С тех пор как эксперимент Майкельсона–Морли²⁴ в его первоначальном виде продемонстрировал, что скорость света, движение Земли вокруг Солнца и эфир — фикции (невероятное заключение), возникла потребность в каком-нибудь новом математическом вздоре, чтобы спасти ситуацию. И невозможно отделить математический вздор от физического, когда речь идет об астрофизике. Ньютон, Лейбниц, Юнг, Фицджеральд, Лоренц и Эйнштейн — все нонсенсисты (*Nonsensists*); но вы не можете избавиться от Эйнштейна с помощью этого утверждения, так же как вы не можете избавиться от Микеланджело, назвав его иллюзионистом» [Shaw CL IV 315].

²³ *Ce n'est pas votre métier* (фр.) — Это не Ваше ремесло.

²⁴ Эксперимент, призванный доказать существование светоносного эфира, проведенный американскими физиками А.А. Майкельсоном и Э.У. Морли в 1887 г., но показавший отрицательный результат.

Уже в следующем письме самому полковнику Линчу Шоу, ознакомившись с его книгой, признает за ней побудительный импульс к размышлению, однако рассматривает ее склочный характер как явный недостаток и проводит мысленный эксперимент с участием охотника, автомобилиста и велосипедиста, чтобы на общих разумных основаниях доказать, что скорость света и звука не зависит от скорости, на которой движется их источник, а значит, Эйнштейн прав [Shaw CL IV: 316–317]

В отношении его позиции по вопросам необходимости дополнительной верификации теорий Эйнштейна показательна еще одна цитата из речи в отеле «Савой»: «Я не могу поддерживать веру какой-либо церкви, но могу подписаться под верой Вселенной»²⁵. Эту веру для Шоу воплощал Эйнштейн.

«Трагедия пожилого джентльмена»²⁶

Помимо дружеской солидарности и взаимного восхищения была еще одна причина, по которой фигура Эйнштейна имела для Шоу такое значение.

Беатрис Уэбб удивлялась стремлению Шоу, несмотря на преклонный возраст, принимать все более активное участие в общественной жизни:

У Дж.Б.Ш. в последние годы была невероятно успешная карьера, принеся ему в равной степени престиж и богатство; им восхищались и его одаривали комплиментами как умнейшие интеллектуалы на родине, так и еще более уважаемые умы за рубежом. В его пожилом возрасте открыто злонамеренных критиков можно пересчитать по пальцам. Но он не удовлетворен своей репутацией художника. Он жаждет признания как великий мыслитель и социалист-преобразователь, которым он не является, никогда не был и не мог бы стать. Но почему ему так хочется быть сверхчеловеком в социалистической перестройке [мира]? Он же не претендует на звание математика²⁷.

²⁵ “Shaw and Einstein Speeches.” *New York Times* (29 October 1930): 12.

²⁶ “The Tragedy of an Elderly Gentleman” — название IV части пенталогии Шоу «Назад к Мафусаилу».

²⁷ *Beatrice Webb's Typescript Diary*: October 1924 – 19 May 1929: 569–570. (4692–9 <https://digital.library.lse.ac.uk/objects/lse:ret529jev?page=569>).

Сама Беатрис винила во всем дурное влияние Нэнси Астор²⁸, однако если обратиться к переписке Шоу, очевидным станет другой, гораздо более серьезный мотив неудовлетворенности своими художественными достижениями, которую испытывал драматург. С момента знакомства с Эйнштейном в письмах Шоу к Сент-Джону Ирвину²⁹ все чаще возникают размышления драматурга о том наследии, которое он по себе оставит:

Люди, конечно, развиваются в течение всей своей жизни по определенным линиям. [...] Но беда в том, что физическая жизнь, определяющая силу выносливости, не совпадает с умственной. На самом деле существует несколько физических и ментальных жизней, которые более или менее пересекаются, но не совпадают. [...]

...Я все еще развиваюсь, в то время как тело мое приходит в упадок. Именно физическое увядание, сопровождающееся уменьшением моей выносливости во всех областях, наносит мне удар и вскоре убьет меня. Когда человек умирает от старости, он убивает множество умственных младенцев, которых он вынашивает. [...]

...Если бы вам пришлось выбирать между безбрачием с интенсивной интеллектуальной деятельностью и жизнью, полной сладострастных приключений с прекрасным здоровьем, но без интеллектуальных упражнений, вы бы не колебались; вы бы признали, что интеллект есть страсть: это деятельность жизни, более необходимая, чем физический экстаз воспроизводства» [Shaw CL III: 732–733].

В качестве примера, воплощающего оппозицию вышеуказанных приоритетов в жизни, Шоу противопоставляет фигуры Реджинальда де Велля (Reginald de Veulle) — весьма скандальной личности, денди, актера, модного дизайнера, а также кокаиниста и сладострастника, оказавшегося под подозрением полиции в связи с делом о безвремен-

²⁸ Имеется в виду леди Нэнси Астор (Nancy Witcher Astor, 1879–1964) — политический деятель, первая женщина в британском парламенте, с которой Шоу в конце 1920–1930-х гг. тесно общался и в 1931 г. совершил с ней и ее супругом поездку в СССР.

²⁹ Сент-Джон Ирвин (St John Greer Ervine, 1883–1971) — ирландский писатель, драматург и критик, друг Шоу и корреспондент, с которым Шоу часто вступал в полемику как по вопросам толкования его пьес, так и в отношении концепции Творческой эволюции.

ной гибели актрисы Б. Карлтон³⁰ и не принесшего своими эскападами пользы ни одному человеку на свете, — и Эйнштейна чье стремление к уединению и созерцательному размышлению привело к революции в науке, изменившей вектор развития всего человечества.

Шоу хотелось видеть результаты своей деятельности столь же ощутимыми и благотворными, но по-прежнему обращаясь к своей аудитории посредством художественного слова, он уже не видел столь же живого отклика (показательным как раз стал случай с «Путеводителем...» и поздними пьесами 1930-х гг.). В результате он неизбежно переживал кризис, сходный с тем, который описан в четвертой части его пенталогии «Назад к Мафусаилу» — «Трагедия пожилого джентльмена», где заглавный герой, встречаясь с новым поколением людей-долгожителей, чей возраст исчисляется сотнями лет, отчаянно сопротивляется своей недолговечности и стремится приобщиться к цивилизации будущего, но наталкивается на идейный и понятийный барьер: он, реликт цивилизации прошлого, как бы говорит с долгожителями, чья система ценностей и представлений о мире кардинально отлична от его собственной, на разных языках.

Несмотря на то что пожилой джентльмен неприятно поражает своей самоуверенностью, классовыми предрассудками и в целом выведен карикатурно, нельзя не заметить в этом горькой самоиронии драматурга. Однако, помимо стремления открыть для себя иной путь преобразования мира, в Шоу явно говорит уязвленное в своей гордости эго художника, и оттого мысль его обращается от Эйнштейна к Шекспиру — уже не презираемому драматургом идолу Великого Барда, но к человеку, помышлявшему о вечности и сумевшему воплотить принцип гораианского «нерукотворного памятника».

Продолжая восемь лет спустя переписку с Сент-Джоном Ирвином, критикующим драматурга за викторианское ханжество в отношении плотских радостей любви в «Мафусаиле», Шоу пишет:

Мое предположение таково, что телесное влечение в конце концов станет страстью разума. В мысли — творческой мысли, полностью отделенной от глупых и отвратительных действий и поз — уже есть удовольствие. Шакспер не мог бы [в противном случае] писать об экстазе святого Фомы в своем [129] сонете - «издержки духа и стыда

³⁰ Актриса Билли Карлтон (Billie Carleton, 1896–1918) была найдена мертвой в своем номере отеля «Савой», и полицией было установлено, что вероятной причиной смерти стала передозировка кокаином, предоставленным ей де Веллем.

растраты». [...] невозможно сказать о достижениях Эйнштейна, что «положение его смешно, удовольствие [от изучения его теории] мимолетно, а издержки заслуживают осуждения». Здесь [...] удовольствие лишь слегка уступает испытываемому от занятий любовью по интенсивности; и стоит вам только постичь нарастающее удовольствие от процесса мышления, как оно становится все большей жизненной необходимостью для развивающегося общества и человечества...

Осознай это, и ты больше не будешь говорить со мной так, как Юноша говорит с Древним³¹.

Когда я начинал, [Уильям] Арчер³² жаловался, что мои пьесы пропитаны сексом. Сейчас, когда я заканчиваю, ты жалуешься на то, что я анахорет. Женщины никогда не жаловались на меня в обоих случаях. *Они* знают, что я знаю, о чем говорю [Shaw CL IV: 96–97].

Действительно, траектория Творческой эволюции в интерпретации Шоу продемонстрировала то же криволинейное движение, которое он ассоциировал с научным новаторством в интерпретации гравитации у Кеплера и Эйнштейна: отклонившись от первоначального прославления физической витальности женщины, преследующей мужчину и инстинктивно выполняющей свое высокое предназначение воплотить в результате своего квеста новый виток развития человечества, мысль Шоу устремляется в будущее к младенцам, появляющимся из гигантских яиц уже в полностью сформированном виде и приобретающим десятки лет опыта за мгновения в «Мафусаиле», а затем и еще дальше — к бестелесной расе, живущей исключительно «интеллектуальными страстями» во имя знания и власти в поздней пьесе «Притчи о далеком будущем» (*Farfetched Fables*, 1948). Однако

³¹ Имеется в виду сцена в III Действии «Трагедии пожилого джентльмена», когда в далеком будущем новое поколение молодых людей, проживающих десятилетия за годы, сосуществует рядом с умудренными опытом старцами, которых не трогают их песни, танцы и любовные утехы. Один из мальчишек, будучи увлечен плотскими страстями, не может понять, как Древние могут выносить свое, как ему кажется, безрадостное одинокое существование и насмехается над ними. В ответ на что Древний говорит: «Дитя, даже минута того упоения жизнью, какое вкушаем мы, убила бы тебя». (*Шоу Б. Назад к Мафусаилу // Шоу Б. Полн. собр. пьес: в 6 т. / под ред. А.А. Аникста, Н.Я. Дьяконовой и др.; пер. с англ. Ю. Корнеева. Л.: Искусство, 1980. Т. 5. С. 259.*)

³² Уильям Арчер (William Archer, 1856–1924) — шотландский писатель, театральный критик и драматург, друг Шоу, способствовавший началу его карьеры как литературного и музыкального критика, а также как драматурга; он же организовал первые переводы пьес Шоу на немецкий язык.

и в таком состоянии им все же нужны обычные люди, чтобы направлять их развитие.

В письме к валлийской суфражистке и активистке леди Маргарет Рондде, Шоу расшифровывает свою теорию и в пример снова привлекает Эйнштейна:

В моей религии Творческой эволюции мы все лишь средства для достижения цели — другими словами, проводники³³. Мать Эйнштейна была проводником для Эйнштейна; сам Эйнштейн — проводник для теории относительности; а сын Эйнштейна (если у него таковой имеется) возможно, будет не более чем проводником, при чьем содействии будет зачата следующая Великая Женщина. В том, чтобы считаться проводником, а не самоцелью, нет повода для обиды — напротив: это основа уважения, которое необходимо нам гораздо больше, чем любовь [Shaw CL IV: 183].

Так, в той или иной степени приобщаясь к Творческой эволюции, становясь проводником для будущих поколений и устремляясь посредством страстного интеллектуального порыва в будущее, каждый человек может претендовать на толику бессмертия.

«У предела мысли»³⁴

В 1931 г. Арчибальд Хендерсон опубликует труд с внушительным названием «Современные бессмертные» (*Contemporary Immortals*) и посвящением Эйнштейну, где литературные портреты самого ученого, «гения в области физической науки», и Шоу, «величайшего из живущих в мире писателей», окажутся под одной обложкой с такими разными личностями, как Махатма Ганди («гений духовного лидерства») и Бенито Муссолини («гений государственного строительства»), Гильермо Маркони («повелитель космоса») и Игнаций Ян Падеревский («музыкальный гений и великий освободитель»), Джейн Аддамс («великая гуманистка и филантроп») и Генри Форд («гений в бизнесе»). Главным, что, по мнению автора книги, объединяло их

³³ В оригинальном письме используется термин *conduit pipes* — трубопровод.

³⁴ “As Far as Thought Can Reach” — название последней части пенталогии Шоу «Назад к Мафусаилу».

всех, вне зависимости от сферы деятельности, было удивительное трудолюбие и ненасытное стремление учиться.

Гений очень похож на обычного человека за исключением какой-то не поддающейся исчислению малости. Именно этот спасительный остаток [в уравнении] личности, этот драгоценный остаток качеств и темперамента отличает гения от обычного или даже талантливового человека³⁵.

Здесь явно слышится эхо строк из письма Шоу к Хендерсону еще в самом начале их знакомства, где драматург просил:

Умоляю вас, если вы пишете о моей «необыкновенной карьере», дать понять всем молодым претендентам [на звание будущих писателей], что ее необыкновенность заключается в ее обыденности — в том, что я, подобно зеленщику и совсем не как мелкий поэт, *жил* вместо того, чтобы мечтать и вкушать сладость художественного творчества. Если бы у меня было немного больше мужества и немного больше энергии, я мог бы сделать гораздо больше... [Shaw CL II: 426–427].

Он подчеркивал, что в юности и даже зрелости никогда не жил блестящей жизнью литературной богемы, не был завсегдатаем салонов и художественных клубов, но все его время уходило на общественную работу, благодаря которой жизнь свела его с выдающимися личностями³⁶, в общении с которыми он усвоил

беспристрастность и невозмутимость государственных деятелей, получал постоянную и бесцеремонную критику со стороны людей, которые во многих вопросах были гораздо способнее и осведомлены лучше меня, приобрел большой опыт, который невозможно получить при обычном ритме [жизни], а также то «закулисное» знание механизма и природы политической иллюзии, которая кажется такой циничной зрителям, сидящим в первых рядах.

Что бы вы ни писали, я советую вам настаивать именно на таком моем ученичестве, так как в противном случае вы сильно преу-

³⁵ Henderson, Archibald. *Contemporary Immortals*. New York, London: D. Appleton and Company, 1931: ix-x.

³⁶ Помимо многих других, речь здесь в первую очередь идет о Уильяме Моррисе, Г.Дж. Уэллсе и чете Уэббов.

величите мои природные способности. Именно эта подготовка позволила мне производить впечатление невероятно умного, оригинального и блестящего писателя, которому не хватает только чувства, в то время как правда такова, что, хоть я в некотором роде и гениален — иначе, полагаю, я не устремлял свои поиски вовне, а наслаждался бы жизнью, попросту скучая от поездок на отдых, роскоши и денег, — все же я ни в малейшей степени не являюсь человеком, «блестящим» от природы, и вовсе не способен или умен. ... Нет более ложной мысли, чем мнение, что мои произведения — не более чем игра восхитительно умного и изобретательного героя салонов: они результат совершенно обыкновенной ежедневной рутины, начавшейся с крайне неумело написанного юношеского романа и с тех пор продолжающейся двадцать пять лет. Любой может приобрести мое умение за ту же цену; а многие, вероятно, и дешевле [Shaw CL II: 426].

Сходным образом характеризует отношение Эйнштейна к славе и к самому себе его биограф Р.У. Кларк:

Он всегда ненавидел чрезмерное чествование, будучи прекрасно осведомлен о том, что, несмотря на свои достижения, в определенной мере он походил на людей, покоривших Эверест, которые метафорически стояли на плечах их предшественников. Он никогда не сомневался в собственной значимости — у него не было к этому причин. Но он ненавидел шумиху, которую вокруг него разводили люди, не ведавшие даже языка науки, на котором он говорил [Clark 1971: 330].

Польский физик Леопольд Инфельд, долгое время бывший ассистентом Эйнштейна, писал, что ученого часто обвиняли в надменности, однако на деле она была не более, чем результатом его внутреннего одиночества и отрешенности:

Как и Шопенгауэр, я считаю, что один из сильнейших мотивов, ведущих человека к искусству и науке — это [стремление] ускользнуть от обыденной жизни с ее мучительной грубостью и безнадежной скукой, от оков вечно сменяющихся друг друга желаний. Натура с тонко устроенным темпераментом стремится сбежать от частной жизни в мир объективного восприятия и мысли; это стремление можно сопоставить с непреодолимым стремлением городского жителя спастись от окружающих его шума и тесноты среди тишины высоких гор, где

взгляд свободно проникает тихий чистый воздух и любовно скользит по исполненным спокойствия очертаниям, которые выглядят так, будто их воздвигли для вечности. Помимо этого отрицательного мотива есть и положительный. Человек пытается наилучшим для себя способом составить упрощенную и понятную картину мира и тем самым преодолеть мир опыта [данного в ощущениях], который он старается до некоторой степени заменить своим собственным космосом. Это то, что художник, поэт, спекулятивный³⁷ философ и естествоиспытатель делают каждый по-своему. Они делают этот космос и его строение стержнем своей эмоциональной жизни, чтобы таким образом обрести покой и безопасность, которых он не могут найти в сжимающемся водовороте личного опыта...³⁸

XX в. действительно представлял собой крайне интенсивный водоворот событий, где научные открытия и революции в искусстве совершались на фоне мировых войн и мощнейших социальных катаклизмов, никого не оставлявших в стороне. В таких условиях как никогда человечеству нужны были проводники — люди, способные осмыслить современность в контексте вечности, изложить ее доступным способом и указать зачатки гармонии в бушующем хаосе, — «толкователи жизни» и «творцы вселенных».

Волей судьбы на первый взгляд столь непохожие люди, как Шоу и Эйнштейн, оказались сведены одной эпохой и предназначением, а при более близком знакомстве оказались родственными душами в своей любви к музыке, тонком понимании человеческой природы, остром чувстве социальной справедливости и даже в политическом дискурсе, так разделяемой ими позиции пацифизма и рассмотренной выше веры в социализм. После Второй мировой войны, независимо друг от друга, они оба выступали за создание общемировой организации, способной беспристрастным образом урегулировать локальные конфликты, и на ранних этапах холодной войны (а Шоу и задолго до этого) указывали, что эта организация не сможет полноценно функционировать, пока отношения с Советским Союзом будут строиться на противостоянии, а не диалоге. Оба — каждый со своей трибуны — предупреждали человечество о разрушительных последствиях создания оружия мас-

³⁷ Спекулятивная философия — созерцательная философия, основанная на умозрительной рефлексии о мире.

³⁸ Цит. по: *Beatrice Webb's Typescript Diary*: 4 January 1941–19 April 1943: 139 (7143). <https://digital.library.lse.ac.uk/objects/lse:dof404poy?page=138>.

сового поражения. Оба открыто выступали против угнетения прав не только евреев, но и чернокожего населения: Шоу в 1932 г. выступил по радио с пространной речью, направленной против политики сегрегации в Африке; Эйнштейн, столкнувшись с расовой дискриминацией в Америке, в 1949 г. издал эссе, где открыто заявлял:

Многие искренние люди скажут мне: «Наше отношение к неграм является результатом неблагоприятного опыта, полученного, пока мы жили бок о бок с ними в этой стране. Они не ровни нам ни по уму, ни в чувстве ответственности, ни в надежности». Я же твердо убежден, что кто бы ни верил в это, является жертвой фатального заблуждения. Ваши предки насильно тащили этих чернокожих людей из их домов, и поскольку белый человек искал богатств и легкой жизни, эти люди подвергались безжалостному подавлению и эксплуатации, которые низвели их до уровня рабов. Современное предубеждение против негров — результат желания сохранить это недостойное положение³⁹.

Они оба были Сильными личностями⁴⁰, творцами и бунтовщиками против научных, художественных и социальных условностей, гуманистами, верившими в человечество и религию вселенной. Природная скромность и неприятие пустых дифирамбов заставляли их обоих бежать из Берлина и Лондона, ища уединения на время празднования своих юбилеев. Общая жажда познания подвигала их к дальнейшим исследованиям законов вселенной и человеческой природы. Присущее им обоим остроумие и умение видеть связь между на первый взгляд далекими феноменами сближало и создавало основание для чувства удивительной солидарности. Шоу говорил об Эйнштейне:

Этот человек подвергает испытанию не факты науки: он подвергает сомнению самые аксиомы науки. И, более того, [...] они сдаются под его напором. [...] И вот у меня появилась собственная, особая точка зрения. Я сказал: «Это не результаты, разработанные математиком — результаты уравнений, написанных на бумаге. Это интуиция худож-

³⁹ Einstein, Albert. *Essays in Humanism*. New York: Philosophical Library, 1983: 9–10.

⁴⁰ Сильная личность — одно из ключевых понятий в творчестве Б. Шоу, близкое к интерпретации фигуры героя у Г.В.Ф. Гегеля и Т. Карлейля.

ника. И я, как художник, заявляю право на родство с этим великим первооткрывателем».

Я заявляю свою право на то, чтобы быть человеком науки в том же смысле, в котором он является человеком науки. Я напомнил себе, что Леонардо да Винчи, художник, родившийся за двадцать один год до Коперника, сделал запись в своей тетради — не как результат сложных вычислений, а как абсолютно простой и очевидный факт — «Земля — это луна солнца». И позднее пришел английский художник Уильям Хогарт, современник Ньютона — их жизни совпали на тридцать лет — и когда Ньютон сказал: «Линия природы — прямая линия», — Уильям Хогарт сказал: «Линия природы — это кривая». Он предчувствовал [приход] нашего гостя. Но он не был в достаточной степени математиком, чтобы выработать представление обо всех последствиях [этого открытия]. Вот почему я льшу себя мыслью, что я тоже художник. Думаю, наш сегодняшний гость поймет, о чем я говорю [Shaw, Crawford 1995: 237].

Позднее, когда в 1938 г. был опубликован совместный труд Эйнштейна и Л. Инфельда «Эволюция физики» (*Evolution of Physics*), Шоу не только сразу ознакомился с книгой, но отправил ее в качестве подарка Альфреду Дугласу с короткой, но говорящей припиской: «Эйнштейн — поэт» [Shaw CL IV: 500].

Различие в сферах деятельности для Шоу было лишь номинальным — гораздо важнее было родство устремлений, стремление лучше понять мировой замысел. То самое движение мысли, которое так высоко ценил и к которому жаждал приобщиться Арчибальд Хендерсон, было их общим знаменателем.

Стремясь дать определение гению, Хендерсон говорил о том, что его отличает вечное горение в стремлении постичь каждый аспект и мгновение, воплощающие силы и изменчивость жизни.

Великий человек — тот, кто живет ради целей, превосходящих личные и локальные, кто отдает себя [на службу] будущим поколениям, кто предчувствует будущее и стремится к улучшению человеческого рода. Велик тот, кто обеспечивает человечеству большую свободу, более свободную реализацию жизненной энергии, более широкий горизонт и взгляд на мир, более великое и чистое счастье, более совершенное владение силами природы и лучшее понимание рода людского⁴¹.

⁴¹ Henderson, Archibald. *Contemporary Immortals*: xi.

Бернард Шоу: Скажи, Эйни, ты действительно думаешь, что понимаешь сам себя?

Доктор Эйнштейн: Нет, Берни. А ты себя?

Карикатура О. Херфорда.

Опубл.: *Life* 78, no. 7 (21 July, 1921)

Разумеется, тезис о гениальности Шоу и Эйнштейна сегодня не нуждается в доказательстве. Однако удивительно, как невероятная дружба «толкователя жизни» и «творца вселенных», прошедшая испытание расстоянием, войной и временем, не только смогла раскрыть неочевидные сходства их характеров, но и подарила им обоим лучшее понимание физики человеческой души и поэзии устройства вселенной.

Американская миссия

Изучив, каким образом Америка связала двух гениев XX в. и как воспринимала их глазами Арчибальда Хендерсона и американских газет, нам представляется разумным обратиться

ко взгляду на Америку Шоу и Эйнштейна, так как, будучи высказаны независимо друг от друга, они во многом пересекаются.

Эйнштейн совершил свое первое путешествие на американский континент в 1921 г. незадолго до поездки в Лондон, где он свел знакомство с Шоу. Получив приглашение от президента Принстонского университета Джона Гиббена⁴² для чтения курса лекций по теории относительности, Эйнштейн вежливо и не без личной заинтересованности ответил: «Для меня было бы большим удовольствием познакомиться с вашей экономически и политически высокоразвитой страной, чья роль в мировом развитии все время возрастает» [Einstein CP X: 311]. Однако письмо носило сдержанный характер и не давало конкретных обещаний, так как предлагаемая поездка в США не была бы

⁴² Джон Гриер Гиббен (John Grier Hibben, 1861–1933) — философ и педагог; в период с 1912 по 1932 г. занимал должность президента Принстонского университета и провел ряд образовательных реформ, способствовавших оживлению учебного процесса за счет открытых лекций и создания дискуссионных групп для обсуждения ключевых вопросов.

чисто рабочим мероприятием. После недавно закончившейся Первой мировой войны отношение к Германии все еще было неоднозначным, и возможность выступить лектором в одном из американских университетов становилась в первую очередь дипломатической миссией, направленной на утверждение авторитета и престижа немецкой науки и нации, о чем Эйнштейну недвусмысленно писал друг и коллега Пауль Эренфест⁴³:

1. Твое путешествие в Америку оправдано только с той точки зрения, что оно поможет тебе наконец устранить причину твоего швейцарского беспокойства [связанного с выплатой алиментов первой жене]. [...]

2. Твой визит в Америку продвинет интересы немецкой науки только в том случае, если ты будешь приглашен в 2–3 из *наиболее престижных* американских университетов. Однако если ты поедешь в университет 5-ого, 6-ого или 7-ого порядка, то ты *уничтожишь* [статус немецкой науки] точно так же, как многие тайные советники Германии нанесли ущерб интересам немецких ученых в Голландии своей неумелостью (только другого сорта).

3. Твое отношение к американскому вопросу на текущий момент убеждает меня в том, что ты не достигнешь ни первой, ни второй задачи, если только люди с очень большим *тактом* [...] и *опытом* [...] организуют все *за тебя* [Einstein CP X: 304].

В связи с этим Эренфест категорически настаивал, чтобы Эйнштейн отчитывался ему обо всех поступающих из Америки предложениях (первым сотрудничество Эйнштейну предложил еще Университет Висконсина) и не предпринимал никаких самостоятельных шагов. Чикагский корреспондент Эйнштейна из Университета Иллинойса Карл Бек высказывал сходные наблюдения, но уже с американской стороны:

Многие люди, ищущие знакомства с Вами, делают это не из праздного любопытства, но из других побуждений, из-за которых я хотел бы

⁴³ Пауль Эренфест (Paul Ehrenfest, 1880–1933) — австрийский и нидерландский физик-теоретик, в числе прочего разрабатывавший вместе с Эйнштейном теорию относительности. Заинтересованность Эренфеста в американской поездке Эйнштейна и те указания, которые он ему дает, объясняются тем, что Эренфест активно поддерживал идею сохранения и развития международного научного сотрудничества, несмотря на политическую изоляцию, в которой оказывались те или иные страны в турбулентных исторических условиях XX в.

с Вами увидятся. Конечно же, Вы *persona grata* среди определенных научных кругов, и здесь, в Америке, велик интерес к Вам лично и к вашей работе.

Я не сомневаюсь, что Вы приглашены в нашу страну научными организациями и учеными мужами. Зная американские условия [...] и европейские [...], я, однако, думаю, что такой визит, хоть, с одной стороны, и предлагает множество возможностей, в то же время, вероятно, таит в себе определенные опасности – не только для Вас, но и для Вашей страны. [...] Америка не готова к экспериментам [...]

В Америке есть большое количество серьезных людей, которые думают о Германии положительно. Есть, однако, и большое количество людей, кто предстает в данном свете, однако на самом деле не имеют подобной склонности, а [народные] массы непостоянны и легко ведомы [Einstein CP X: 344–345].

Отчасти поэтому то, что планировалось как частная поездка Эйнштейна в качестве лектора, приглашенного одним университетом, затем было реорганизовано в лекционное турне⁴⁴, где официальной задачей физика было продвижение сионизма, кооперации евреев Европы и Америки, образовательных задач Еврейского университета в Палестине, а также сбор средств на основание университета в Иерусалиме. Таким образом, миссия Эйнштейна приобрела в меньшей степени политический и в большей гуманитарный и социокультурный характер. «Удовольствие, которое он получил от путешествия было основано на осознании факта, что он мог использовать свою мировую славу в качестве инструмента для достижения конкретной социальной задачи, [в реализации которой] он был страстно заинтересован интеллектуально и эмоционально» [Einstein CP VII: 235].

Оказанный ученому теплый прием со стороны официальных лиц и студенческой аудитории также способствовал формированию у Эйнштейна положительного отклика на опыт пребывания в США. Однако по итогам двухмесячного американского турне (со 2 апреля по 30 мая 1921 г.) физик имел несчастье дать интервью⁴⁵ предприимчивой голландской журналистке из *Nieuwe Rotterdamsche Courant*, в формулировках которой то, что ученый высказывал как забавное

⁴⁴ Им были прочитаны лекции в Принстоне, нескольких университетах Нью-Йорка, а также в Колумбийском университете.

⁴⁵ Оригинальный текст появился на голландском языке в газете *Nieuwe Rotterdamsche Courant* (NRC) 4 июля 1921 г.

или ироничное наблюдение, превращалось в немилосердную сатиру на американское общество.

Из немногих положительных комментариев в том интервью можно отметить то, что Эйнштейна поразили богатство и роскошь Америки (однако в то же время он критически замечает: «...видите ли, американский миллионер, естественно, предпочитает покупать власть своими сокровищами» [Einstein CP X: 621]), свежесть и кипящая энергия молодости в американских университетах (хоть с сравнением с Оксфордом они и проигрывали). Он возлагал большие надежды на американскую молодежь и прогрессивное движение, использовавшие как рупор журнал *The New Republic*. Резюмируя же общее впечатление от Америки, Эйнштейн говорит, что страна «здорова и сильна, и, хотя во многих отношениях она все еще находится в зачаточном состоянии, у нее светлое будущее» [Einstein CP X: 622].

Однако в том, что касалось его визита, в частности, комментарии ученого в голландской публикации, звучат более категорично. Эйнштейн был утомлен шумом Америки, журналистами, которые «набросились на него в ужасной манере» [Einstein CP X: 621], постоянно засыпая непонятными вопросами, и в целом воспринимал свое пребывание там как «цирковое представление», на которое люди идут скорее от скуки:

Конечно, в таких местах, как Нью-Йорк, Бостон и Чикаго, есть свои театры и концерты, но в остальном? В местах с миллионным населением — ах, какая бедность, какая духовная нищета. Так что люди счастливы, когда им дают что-то, с чем можно поиграть [...] и делают они это с необычайной интенсивностью. Особенно женщины, которые, кстати, управляют всей американской жизнью. Мужчин вообще ничего не интересует, они работают, работают так, как я больше нигде не видел, чтобы кто-то работал.

В остальном они — игрушечные собачки для своих жен, которые тратят деньги самым расточительным образом и одеваются с оттенком экстравагантности. Они делают все, что угодно моде, и теперь случайно «в моду [вошел] Эйнштейн». Не кажется ли мне смешным это повсеместное волнение толпы из-за моих учений и теорий, которые они не могут понять? Мне смешно и интересно наблюдать за игрой. Я уверен, что их привлекает именно таинственность непонимания... [Einstein CP X: 621].

Образ для описания взаимоотношений мужчин и женщин в Америке, использование которого приписывается здесь Эйнштейну, удивительно напоминает модель отношений между полами, описанную в пьесе Шоу «Дом, где разбиваются сердца» (*Heartbreak House*, 1919), вышедшей сразу после Первой мировой войны. Там в богемной супружеской паре Гектора и Гесионы Хэшебай инициативу на себя явно берет женщина — как обычно это происходит в творчестве Шоу, — однако в отличие от многих других его драм, мужчина чувствует себя уязвленным и беспомощным:

Гектор. [...] Я должен содержать жену.

Миссис Хэшебай. Ничего ты такого не должен. Тогда тебя с утра до поздней ночи не увидишь. Мне нужно, чтобы мой муж был со мной.

Гектор (*с горечью*). С тем же успехом я мог бы быть твоей комнатной собачкой⁴⁶.

И далее по ходу действия пьесы, наблюдая за тем, как под влиянием его жены юная и вначале казавшаяся наивной и беспомощной девушка Элли берет судьбу в свои руки и хочет заключить духовный брак с отцом Гесионы капитаном Шотовером, Гектор замечает: «Вот удивительная девчонка! Водит старого Моряка за собой на цепочке как комнатную собачку [в оригинале «пекинеса». — Ю.С.]»⁴⁷.

И даже несмотря на то что персонажи Шоу воплощают своенравную и капризную британскую аристократию, типологическое сходство очевидно.

Разумеется, что приведенные выше рассуждения не могли возникнуть в интервью на пустом месте, и все же пренебрежительный тон, которым транслировалось мнение физика об Америке в интервью, привело Эйнштейна в ужас и побудило выступить 10 июля 1921 г. с опровержением в *Vossische Zeitung*:

Я очень возмущен заявлением, которое было вложено в мои уста об американской публике. То, что сенсационный интерес широкой общественности к теории относительности в значительной степени вызван

⁴⁶ Шоу Б. Дом, где разбиваются сердца // Шоу Б. Полн. собр. пьес: в 6 т. / под ред. А.А. Аникста, Н.Я. Дьяконовой и др.; пер. с англ. С. Боброва и М. Богословской. Л.: Искусство, 1980. Т. 4. С. 537.

⁴⁷ Там же. С. 576.

каким-то недоразумением, безусловно, верно. Но это относится не только к американской аудитории, но и к нашей немецкой аудитории [...]

Глядя с высоты птичьего полета на весь опыт, который я пережил в Америке, и сравнивая его с остальной частью моей жизни, я поражаюсь духу простого товарищества и безобидной общительности американцев, свободных от усталого скептицизма и утонченности [свойственных европейцам]. Это делает повседневную жизнь проще и приятнее [Einstein CP X: 629–630].

А в частном письме, написанном месяц спустя после выхода злосчастной публикации, он пишет о незавидной судьбе любого, кто отважится разговаривать с журналистами, явно намекая на собственный опыт:

Привлечение к публичной ответственности за все, что вы сказали, будь то в шутку, в приподнятом настроении или из-за вспышки гнева, хотя и может быть фатальным, все же в какой-то степени разумно и естественно. Но когда вы несете публичную ответственность за то, что другие говорят о вас, не имея возможности защитить себя, тогда вы находитесь в жалком положении. [...]

Представьте себе, что однажды утром к вам приходит репортер и любезно просит вас рассказать ему что-нибудь о вашем друге N. Сначала вы наверняка испытываете что-то вроде негодования по поводу такой дерзости. Но вы быстро понимаете, что выхода нет. [...]

[И вот вы говорите:] «Господин N. — человек прямой, веселого нрава, пользуется популярностью у всех своих друзей. Он умеет в любой ситуации увидеть нечто хорошее. Он предприимчив и бесконечно трудолюбив; его работа поглощает все его силы. Он любит свою семью и отдает жене все, что у него есть». [...] [А в] исполнении репортера [получится]: «Господин N. ни к чему особо серьезно не относится и обладает даром пользоваться популярностью у людей, тем более что у него неумный нрав и заискивающий характер. Он настолько раб своей профессии, что ему никогда не приходится думать о сверхличных вещах или заниматься интеллектуальными занятиями за рамками своей профессии. Он бесконечно балует свою жену; он безвольный слуга ее желаний». [...] ...ярость [господина N.] против вас не знает границ, каким бы веселым и добросердечным по натуре он ни был. Нанесенное ему оскорбление ранит вас несказанно, тем более что он вам очень нравится. Что вы делаете в этом случае [...]?» [Einstein CP X: 442–443].

Выше мы уже говорили о том, что отношение Шоу к журналистам изначально было весьма скептическим, а к американским репортерам — особенно. Дважды побывав в США, Шоу, как пишет Дэн Г. Лоуренс, неизменно оказывался атакован толпами местных газетчиков и фотографов, которые дежурили на пристани, где был пришвартован его лайнер, старались заглянуть в окна его каюты, засыпали его провокативными, но что еще хуже, скучными и однообразными вопросами, не очень внимательно слушая ответы, и одновременно диктовали, какую позу ему принять для снимка, выводя в целом благодушно настроенного драматурга из душевного равновесия. На одной из сохранившихся видеохроник он в шутку бросает на камеру фразу: «Вы хотите сделать так, чтобы я выглядел дураком»⁴⁸. Такое амплуа его категорически не устраивало.

Справедливости ради, следует отметить, что сам Шоу в своем творчестве не стеснялся выставлять американцев не в лучшем свете. Дэн Г. Лоуренс (сам американец) пишет:

Большинство персонажей-американцев, населяющих произведения Шоу, стереотипно простодушны, грубы и вульгарны, а в двух его пьесах, действие которых протекает в Америке, «Ученик дьявола» и «Разоблачение Бланко Поснета», — алчны, жестоки, лицемерны и совершенно лишены христианского сострадания. [...] Американцы Шоу, за редким исключением, написаны широкими сатирическими мазками, предстают исполненными «возвышенных нравственных чувств», но «совсем не [...] лучшими людьми», материалистичными, делающими все напоказ, напористыми, тщеславными, хвастливыми и все время пребывающими в лихорадочном движении, «как мышь в кислороде», будучи не способны оставаться в изящном бездействии [Laurence 1985: 279–280].

В отличие от Эйнштейна, которого действительно интересовал американский политико-экономический колосс, Шоу, несмотря на многочисленные приглашения друзей, коллег по перу, театров и киностудий, не стремился оказаться в США и, напротив, откладывал поездку туда, всеми возможными способами демонстрируя, что колосс этот стоит на глиняных ногах.

⁴⁸ “George Bernard Shaw speaks to GB News on leaving USA (1936).” *British Pathé*. <https://www.britishpathe.com/asset/166354/>.

Он критиковал голливудские киностудии и их фильмы, отказываясь дать им права на экранизацию своих произведений; разносил в пух и прах американскую конституцию — «Хартию анархизма», которая «уничтожает жизнь, преследует свободу и превращает погоню за счастьем в гонку за чужими долларами» [Laugence 1985: 290]; обличал эксплуатацию детского труда, коррумпированность банковской системы, засилье трастовых фондов и расизм (о чем уже было сказано выше), высмеивал пуританство американцев и наивную веру в свободу и демократию, которые, как он твердо считал, были совершенно невозможны в условиях разгула капитализма. Заголовки, под которыми его высказывания о Штатах выходили в газетах и памфлетах, говорят сами за себя: «Американцы не могут управлять сами собой»⁴⁹ (1901), «Сельская нация»⁵⁰ (1907), «Почему я не поеду в Америку»⁵¹ (1920).

И все же в 1933 г. он поехал в «эту ужасную страну, это нецивилизованное место под названием Соединенные Штаты» [Laugence 1985: 279]. Произошло это, однако, не раньше, чем драматург посетил СССР. По возвращении из страны Советов 11 октября 1931 г. в Лондоне в студии BBC Шоу выступил с радиообращением к США (*Look, you boob! A little talk on America*). Оно начиналось словами: «Привет, Америка! Привет, все мои американские друзья! Привет, глубокоуважаемые старые лопухи...»⁵².

Просвещая американских слушателей, испытывавших глубокое предубеждение против советского строя, относительно становления коммунизма в России и современного положения дел в Советском Союзе, Шоу со свойственным ему озорством провел параллель между революцией 1917 г. и Американской войной за независимость и предложил американцам воскресную игру:

...составьте подборку статей в роялистских газетах и роялистских политических памфлетов, как английских, так и американских, напечатанных за последнюю четверть восемнадцатого века. Вычер-

⁴⁹ Shaw, Bernard. "Americans Cannot Govern Themselves." *New York Journal* (3 March 1901): 25.

⁵⁰ Shaw, Bernard. "A Nation of Villagers." London: Ridgeway Corporation, 1907.

⁵¹ Shaw, Bernard. "Why I Won't Go to America." *The Observer* (15 February 1920): 9.

⁵² Шоу Б. Автобиографические заметки. Статьи. Письма: Сборник / пер. с англ.; сост. А. Образцова и Ю. Фридштейн. М.: Радуга, 1989. С. 406. Полный текст радиообращения был опубликован в газете *New York American* 12 октября 1931 г.

«Привет, лопухи!» Что Бернард Шоу сказал американцам о России. Карикатура У. Гроппера. *New Masses* 7, no. 6 (November 1931): 4.

кните даты, название страны и имена ее руководителей. А теперь предложите вашим друзьям отгадать, что вы вычеркнули. Спросите, например, у них, о какой стране написано, что она порвала все социальные узы и, подстрекаемая бандой безбожников, пьяниц, распутников, воров и убийц, предалась анархии и всяческому низостям? Ваши друзья угадают неправильно. Они скажут — Россия, тогда как правильный ответ — Америка. Они выкрикнут — Троцкий, тогда как правильно — Вашингтон. Они заявят, что это слишком простые загадки, тут и отгадывать нечего, и назовут вам вместо Джефферсона Ленина, вместо Франклина Литвинова, вместо Пейна Луначарского и вместо Гамильтона Сталина. Когда вы откроете им правду, они, вероятно, перестанут с вами разговаривать, но вы преподаете им важный моральный урок, что и должно быть целью всякой воскресной игры⁵³.

Вооружившись статусом очевидца того, как хаос в СССР, о котором трубили все англоязычные газеты, приходит к порядку, он отправился исследовать хаос, скрывавшийся за внешним лоском американской мечты.

Нельзя сказать, что Америка оставила его равнодушным, и упрямый отказ комментировать свой опыт посещения Большого

⁵³ Там же. С. 409.

каньона или тот факт, что, проехав мимо Эмпайр-стейт-билдинг, Шоу так долго смотрел на удаляющийся силуэт небоскреба, что чуть не вывалился из машины, — лучшие тому свидетельства. Однако общественное устройство США его разочаровывало. В публичной лекции «Будущее политической науки в Америке»⁵⁴, прочитанной им в Метрополитен Опера, он обвинял американцев, сидевших перед ним в зале, в анархизме и советовал им высечь на пьедестале «монстроидального идола» Статуи Свободы цитату из «Ада» Данте: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Он призывал слушателей избавиться от глупой и устаревшей конституции и сбросить иго Рокфеллера и компании “Standard Oil”, с тем чтобы наконец позволить Рузвельту реализовать необходимые реформы, ведь только так США смогут спасти не только себя, но и западную цивилизацию от разрушения [Laurence 1985: 290].

Благодарная публика, представленная разными социальными классами, в индивидуальном порядке реагировала на комментарии, которые были ближе той или иной группе. Однако от ключевой мысли Шоу на следующее утро в *New York Times* осталась лишь фраза, что «Америка должна спасти цивилизацию от разрушения»⁵⁵, которая естественным образом снивелировала критику и переключила внимание читателей на избранность Соединенных Штатов для этой миссии. А остальные газеты писали о выступлении Шоу как о бессвязной, снисходительной и наивной болтовне.

Разумеется, желаемого политического эффекта Шоу не добился. Вернувшись в Америку в 1935 г., Шоу дал краткое видеоинтервью *Gaumont British News*, где заявил:

Нет смысла задавать мне вопросы государственной важности в этой стране. Я уже был здесь раньше. Я сказал вам, что делать, и вы этого не сделали. И сейчас вы по уши в проблемах и последствиях [этого бездействия]. У вас хороший президент и плохая конституция, а плохая конституция все время берет верх над хорошим президентом⁵⁶.

⁵⁴ Позднее она будет опубликована отдельным памфлетом под заголовком «Политический дурдом в Америке...» (*Political Madhouse in America and Nearer Home*).

⁵⁵ “Shaw Tells Nation It Must Lead to Save Civilization from Ruin.” *New York Times* (12 April 1933): 1, 14–15.

⁵⁶ “George Bernard Shaw arrives in the US (1936).” *British Pathé*. <https://www.britishpathe.com/asset/152417/>.

Комментарием к видеорепортажу послужило закадровое сравнение Шоу со сказочным дядюшкой (*fairy godfather*), который вполне в своем амплуа мягко пеняет своим подопечным и делится ценным советом.

В тот период, в начале 1930-х, Эйнштейн бы далеко не во всем согласился с мнением, высказанным ирландским драматургом. В том же 1931-м, когда Шоу дерзко высмеивал и задираал американцев по радио, физик только что снова нанес визит в Штаты и опубликовал в американском журнале *Herald Tribune* свое «приветствие Америке». Там он искренне симпатизировал американскому идеализму, указывал на роль технологических новинок в отличной организации рабочего и бытового процесса, призванного минимизировать затрачиваемую людьми энергию, подчеркивал разительный контраст американцев с европейцами в «счастливом и положительном отношении к жизни» у первых:

Улыбающиеся лица на фотографиях символизируют одну из сильнейших черт американца. Он дружелобен, раскован, оптимистичен и независлив. [...] живет больше для цели, для будущего, нежели европеец. Жизнь для него всегда становление, а не состояние.

Ученый заочно сходил с Шоу во мнении, что в Америке «обычай и условности очень сильны, а жизненная философия и индивидуальная мораль гораздо более стандартизированы, чем в Европе». Он мог допустить, что престиж американского правительства пошатнулся в последние годы, однако списывал это на счет принятия «сухого закона» в 1919 г.:

Нет ничего более опасного для престижа нации и права, чем принятие законов, соблюдение которых не может быть обеспечено. Ни для кого не секрет, что угрожающее развитие преступности в Америке — это прямое последствие данной ситуации.

Но в то же время Эйнштейн высказывал довольно спорное мнение, что «сухой закон» в первую очередь повредил культуре салунов как местам, где люди могли свободно обмениваться мнениями.

Все больше узнавая американскую научную жизнь, физик отмечал:

Я глубоко восхищаюсь усилиями [местных] научно-исследовательских фондов. Мы в Европе несправедливы в попытке приписать растущее превосходство американских исследований исключительно большему богатству страны. Преданность, терпение, компанейский дух и взаимная симпатия являются важными факторами успеха этих учреждений.

Подводя итог своим впечатлениям от Америки начала 1930-х, Эйнштейн дает во многом судьбоносное резюме для американской нации:

Сегодня Соединенные Штаты являются наиболее могущественной и технически развитой нацией на земле. Их влияние на формирование международных отношений неисчислимо. И все же Америка — большая страна, а ее обитатели до недавних пор весьма мало интересовались международными проблемами. [...] Это отношение американцев к международным проблемам должно измениться. [...] Роль пассивного наблюдателя недостойна этой страны»⁵⁷.

Сознательно или нет, проигнорировав рекомендации Шоу, к совету Эйнштейна Америка прислушалась и в последующие десятилетия стала одним из активнейших политических игроков на мировой арене. Однако смена власти и политической стратегии привели далеко не к тем идеалистическим последствиям, на которые рассчитывал ученый.

Эмигрировав в Америку в 1933 г., Эйнштейн лишь несколькими месяцами разминувся там с Шоу. И если драматург покидал ее берега с облегчением, то физик смотрел на нее в первую очередь с надеждой, как на страну, свободную от нацизма, поглотившего Германию; страну, где у него было много друзей, коллег и кипящих энтузиазмом студентов; страну, куда через несколько лет переедут его сын Ганс с семьей; страну, где он мог свободно работать и наслаждаться прогулками в тихом одиночестве или с внуком. Так что даже неприятие им философии денег, лежащей в основе государственного и общественного строя, оттенялось суждением, что каждый американец, стараясь заработать деньги для себя, в то же время чувствует свои обязательства перед

⁵⁷ “As Einstein Sees America.” *New York Herald Tribune* (29 March 1931): 1.

всем обществом, и рассматривает свой успех как вклад в общий успех нации.

Однако в 1940–1950-е, наблюдая ожесточенную антисоветскую пропаганду и отнюдь не гуманные методы преследования потенциальных шпионов в рамках политики маккартизма и начала холодной войны, Эйнштейн пересмотрел свои взгляды. Он открыто выступал против гонки вооружений, за создание наднационального мирового правительства, научное сотрудничество с Советским Союзом, осуждал антикоммунистическую реакцию, а также участие Штатов в Корейской войне и не мог оставаться равнодушным, когда люди, заключенные в тюрьму по подозрению в шпионаже, обращались к нему за помощью и заступничеством. Такая публичная позиция не могла быть проигнорирована Дж. Р. Маккарти и его сподвижниками.

Еще в 1910 г. в связи со смертью известного американского борца за права женщин Мозеса Хармана, четырежды попадавшего в тюрьму за свои взгляды, Шоу написал, что Америка — страна, «невероятно опасная для людей с провешенными мнениями и тех, кто не боится открыто их высказывать» [Laurence 1985: 291]. Сорок лет спустя его, на первый взгляд, резкий и чрезмерно категоричный комментарий оправдал себя в худшей форме — политическом преследовании Эйнштейна. Под руководством Э. Гувера ФБР начало расследование данных, уличающих ученого в подозрительных связях с СССР, проверяло его ближайшее окружение, допрашивало его секретаря Хелен Дукас и устремлялось по следу даже наиболее диких наводок, среди которых была история о никогда не существовавшем третьем сыне ученого Альберте Эйнштейне-младшем, которого насильно удерживали в СССР, оказывая таким образом давление на физика, чтобы тот высказывался в пользу политического диалога с Советами⁵⁸. Разумеется, расследование ни к чему не привело и дело рассыпалось. Однако светлая вера Эйнштейна в идеалы американской демократии и Билль о правах, пошатнувшаяся уже на исходе Второй мировой войны (после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, ученый заметит, что США приняли «унизительно низкие этические стандарты врага [Гитлера]» [Sayen 1985: 179]), в 1950-е гг. была окончательно утрачена.

⁵⁸ Все подробности расследования против Эйнштейна на материале архивных и рассекреченных данных изложены в главе «Враг Америки» в книге [Sayen 1985].

Наблюдая последствия Великой депрессии и ближе познакомившись с организацией труда в Америке, ученый постепенно пришел к выводу, что технический прогресс скорее усугубляет проблему безработицы, нежели приводит к облегчению человеческого труда, а самими рабочими движет конкурентная психология, нацеленная на то, чтобы «отобрать плоды работы у другого» [Sayen 1985: 257–258], чтобы не потерять работу самому. Неутешительным выводом было и то, что хищническая психология борьбы за место под солнцем транслировалась уже на уровне системы школьного образования. И Эйнштейн продолжал видеть выход в обращении к принципам социализма и реформе образования.

В условиях маккартистской «охоты на ведьм» он прекрасно понимал, что в большей степени за атмосферу взаимных подозрений были ответственны не только политики, но и СМИ, и критиковал тот факт, что контроль над средствами массовой информации осуществлялся олигархатом США, так что граждане Америки были лишены возможности быть в достаточной степени информированными, чтобы выносить самостоятельные суждения и принимать осознанные решения, — то, о чем Шоу писал еще в пьесе «Тележка с яблоками» (*The Apple Cart*, 1929).

Интересно, что в конце жизни Эйнштейн с большой долей самоиронии обнаружил себя в том же положении, что и ирландский драматург, которого за эксцентричное поведение, скандальный выбор материала для пьес и неудобные публичные высказывания часто называли *enfant terrible*. В письме к Елизавете Баварской, королеве-матери Бельгии, ученый напишет:

На своей новой родине я стал чем-то вроде *enfant terrible* из-за своей неспособности молчать и проглатывать все, что там происходит. Кроме того, я считаю, что пожилые люди, которым почти нечего терять, должны быть готовы выступить в защиту тех, кто молод и подвергается гораздо большим ограничениям. Мне нравится думать, что это может им чем-то помочь [Sayen 1985: 267].

Стремление помочь служило тем *perpetuum mobile*, который объединял Альберта Эйнштейна и Бернарда Шоу, побуждая их к ежедневному духовному поиску — стремление помочь науке и искусству вырваться из оков устаревших традиций и пережить обновление, сулящее новые великие свершения; помочь современникам посмотреть

на себя со стороны и прийти к выводу, что лишь взаимное уважение и созидательный труд приводят к индивидуальному счастью; помочь государствам осознать коллективную ответственность за все блага и беды, совершающиеся в мире, и осознать, что единственный выход из кризиса — это диалог; помочь человечеству учиться на ошибках прошлого с тем, чтобы в будущем без кровопролития, но с опорой на культуру и разум создавать новые вселенные.

REFERENCES

Clark 1971 — Clark, Ronald William. *Einstein: The Life and Times*. New York: Avon Books, 1971.

Einstein CP — The Collected Papers of Albert Einstein: in 16 vols, edited by D. Kormos Buchwald, T. Sauer, Z. Rosenkranz, J. Illy, V.I. Holmes. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1987–2021.

Holroyd 1950 — Holroyd, Michael. *Bernard Shaw: The Lure of Fantasy*. Vol. 3: 1918–1950. London, New York, Toronto: Penguin Books. 1993.

Holroyd 2015 — Holroyd, Michael. *Bernard Shaw: The New Biography*. Head of Zeus, 2015.

Laurence 1985 — Laurence, Dan (David) Herbert. “‘That Awful Country’: Shaw in America,” *Shaw*, no. 5 (1985): 279–280.

McRory 1986 — McRory, Desmond J. “Shaw, Einstein and Physics”. *Shaw*, no. 6 (1986): 33–67.

Montagu 1968 — Montagu, Ivor. *With Eisenstein in Hollywood: A Chapter of Autobiography*. Berlin: Seven Seas Publishers, 1968.

Patch 1951 — Patch, Blanche. *Thirty Years with G.B.S.* London: Victor Collanz, 1951.

Putzel 2000 — Putzel, Rosamund. “Archibald Henderson”. In *Dictionary of North Carolina Biography*, edited by William S. Powell. Vol. 3, H–K, 99–100. Chapel Hill, NC; London: University of North Carolina Press, 2000.

Sayen 1985 — Sayen, Jamie. *Einstein in America: The Scientist’s Conscience in the Age of Hitler and Hiroshima*. New York: Crown Publishers Inc., 1985.

Shaw CL — Shaw, Bernard. *Collected Letters*: in 4 vols, edited by Dan H. Lawrence. New York: Dodd, Mead & Company, 1965–1988.

Shaw, Crawford 1995 — Shaw, Bernard, and Fred D. Crawford. “Toast to Albert Einstein.” *Shaw*, no. 15 (1995): 231–41.

© 2023, Ю.А. Скальная

Дата поступления в редакцию: 23.04.2023

Дата одобрения рецензентами: 21.05.2023

Дата публикации: 25.06.2023

© 2023, Yulia A. Skalnaya

Received: 23 Apr. 2023

Approved after reviewing: 21 May 2023

Date of publication: 25 Jun. 2023